

Глава 24. Банкет в семье Чэн. Начало

Два дня спустя семья Чэн устраивала банкет. Всю резиденцию украсили фонариками и флажками, всюду вымели пыль и грязь – все стало совершенно новым с виду.

Матушка Чэн в конце-концов дождалась времени, когда она могла бы оказаться в центре внимания. С воодушевлением она поднялась на рассвете и съела три чашки пшеничной каши, запив все мясным бульоном, она отложила в сторону палочки для еды и села на почетное место в «Обители милосердия», ожидая, когда можно будет приветствовать гостей. Чэн Ши, возглавив братьев и сыновей, отправился к главному входу встречать гостей, госпожа Сяо и Сан-ши суетились на женской половине дома.

Сегодня Шаошан с Чэн Ян были одеты одинаково: из красной с фиолетовым оттенком узорчатой ткани с рисунком гриба долголетия была сшита нарядная одежда с тройным запахом атласного цюйцзюй, с белоснежной подкладкой. Все очень яркое и сияющее – эстетика госпожи Сяо не может вызывать вопросов, проблема же была в нынешнем настроении девушки.

Большие глаза Чэн Ян, ее круглое лицо и здоровый цвет кожи считались сдержанными и очаровательными, досадно, но наряженная вот так, хотя тело Шаошан еще до конца не сформировалось, но на фоне ее белоснежного красивого лица, ясных, ласковых и манящих очей Чэн Ян смотрелась деревенской девушкой.

Улыбка Сан-ши была как весенний ветерок, овевающий лицо, она бросила нарочито веселый взгляд на госпожу Сяо, а госпожа Сяо окинула ее взглядом и, подумав, признала, что это забавно.

Матушка Чэн сегодня надела ярко-красную одежду и стала похожа на фонарь – вся с головы до пят она блестела, увешанная золотом и серебром, и в ее волосах вновь появилась та толстая червонного золота хворостина. Шаошан присмотрелась к затылку матушки Чэн и обнаружила, что она стала еще толще. Она наклонилась к уху Чэн Ян и прошептала:

-Верно ли, что бабушка удвоила вес этой золотой шпильки?

Чэн Ян горько усмехнулась:

-Ты заметила? Бабушка добавила вторую пару из червонного золота.

Шаошан намеренно подразнила ее:

-Ты – бабушкина любимая внучка, почему ты не отговорила ее? Разве это не смешно?

Чэн Ян перепугалась:

-Как я смею!

-Ты можешь попросить матушку поговорить с бабушкой, – улыбаясь, весьма бессовестно

сказала Шаошан.

Чэн Ян не находила слов, она попросту не могла нормально отреагировать, но она не была глупой, понятно?

Пока две сестры шептались, один за другим уже стали приходить гости, и самыми первыми, естественно, были генерал Вань с супругой.

Генерала Ваня звали Вань Сунбай. Он был старше Чэн Ши на пять-шесть лет, ниже на пять-шесть цуней, благородной наружности, с сияющим взглядом, к тому же, кажется, нога его уже пришла в порядок. Шаошан смотрела на цзиньцзы-гуань на его голове, на пояс из червонного золота, опоясывающий его талию, на выпяченный генеральский животик, на открытую манеру держаться, на весь этот выпендрож, который пер из всех щелей, прямо говоря, на три с лишним метра в радиусе можно было унюхать аромат знатности и власти, исходящий от его фигуры.

Напротив, у госпожи Вань не было такого сильного "аромата" значимости, ее лицо было более зрелым по сравнению с мужем, она, поприветствовав матушку Чэн, села спокойно сбоку, легко улыбаясь.

Обменявшись приветствиями, матушка Чэн, сияя от радости, справилась о здоровье матери генерала Ваня. Генерал Вань ответил:

-Некоторое время назад моя матушка внезапно подхватила простуду. Цици также заразилась, придворный врач сказал, что еще два дня нужно принимать лекарства и все будет хорошо. Через несколько дней моя семья устраивает банкет, обращаюсь к вам, почтенная, с просьбой покорнейше к нам пожаловать.

Матушка Чэн с серьезным и достойным лицом кивнула головой в знак согласия.

Согласно разъяснениям старшего брата Чэн Юна род Вань из уезда Суй был родом потомственных чиновников с удивительной историей. Линия главы семьи, как было поведено, будет единственной наследной линией из всех поколений N, неважно какое бы количество не принимали в семью наложниц, неважно сколько бы не было принесено жертвоприношений предкам и богам, если в семье не будут осторожны - можно легко потерять единственного наследника. Самое удивительное было в следующем, даже если однажды дети густо цветущей боковой ветви будут усыновлены в главную ветвь, через несколько поколений количество детей резко и неизбежно снизится, и в итоге останется с трудом выстраданный единственный сын.

Отец Чэн некогда подал старшему названному брату нелепую идею, заявив, что должно быть люди на родовом кладбище захоронены не по фэн-шую, в результате несколько лет назад генерал Вань немедленно подправил могилы на кладбище, но это не принесло никакого результата, напротив даже непрерывное рождение девочек в течение нескольких лет подряд перед этим приостановилось; и, досадуя, старший брат Вань жестко поколотил своего младшего брата Чэна.

Но, исключая проблемы с потомством, в семье рода Вань все прочее было весьма надежно. Хотя они были лишь обычным местным знатным родом, однако богатства родового поместья были способны расти из поколения в поколения, а репутация и доброе имя никогда не падали в грязь. В поколение отца Вань Сунбая, неожиданно весьма успешного, их род вовремя стал военным, содержа целую группу эффективных семейных армейских подразделений, и это не только не дало им погибнуть в этот беспокойный век, но, кроме того, они проявили себя, сражаясь перед императором.

В настоящее время положение генерала Ваня таково: ему пожаловали титул Фэн-хоу (сделав владетельным князем), жалование его составляло две тысячи мер зерна, как высокопоставленный чиновник он стал начальником области уезда Сюй (и скоро отправится к месту службы), и на самом деле имея такие деньги, имея такую власть, имея уважаемую супругу и прекрасных наложниц, и да, еще у него была дальновидная и сведущая мать, и все это было у него, но у него не было только одного – сына.

...или нескольких.

Шаошан сказала: Будда, будь сострадателен к нам.

Завершив длинный и нудный разговор с матушкой Чэн, Вань Сунбай повернулся, чтобы посмотреть на восхваляемую сто восемь раз повсюду младшим названным братом его маленькую дочь. Вследствие того, что Шаошан все время сидела, склонив голову, в действительности он даже не мог рассмотреть как следует ее лицо, но немедленно сделал щедрый жест – снял висевший на поясе небывалой красоты кинжал и подошел, чтобы вручить ей.

Шаошан подняла обе руки, почтительно приняв подарок, а только взглянув на него, внезапно сказала про себя: «Ни хрена себе!»

Лезвие кинжала было из полированной стали, в нем отчетливо можно было увидеть лицо человека, короткая рукоять кинжала и ножны были выкованы полностью из золота, на все была нанесена сложная гравировка, поверху сияла инкрустация разноцветными драгоценными камнями и прекрасным нефритом по всему периметру – это была действительно «инкрустация по всему периметру»! Хи-хи-хи! Он был настолько тяжел, что Шаошан еле-еле могла держать его в руках. В особенности же впечатляли рубины и изумруды величиной с фалангу ее пальца, несколько из них были вставлены в инкрустацию с обеих сторон ножен! Заметно, генерал Вань хоть и ребенок из известной семьи, однако вкус его был как у нувориша. Вот только, она довольна, ей очень это нравится, а-а-а-а!

Шаошан улыбнулась до ушей, не только громко во весь голос благодаря, но также подняв голову, одарила солнечной улыбкой старого дядюшку Ваня, еще бы немного и ее сияние ослепило бы влиятельные и знатные глаза старого дядюшки Ваня, он в то время думал, что стоило преподнести этот кинжал, и он весьма окупится когда-нибудь. Затем увидев краем глаза мрачное выражение лица госпожи Сяо, его внезапно осенило – это стоило того, чтобы его подарить прямо сейчас!

Эти двое – Вань и Чэн – знали друг друга несколько десятилетий, генерал Вань и госпожа Сяо,

по правде говоря, признавали уникальные способности друг друга, но не сошлись характерами – они абсолютно не нравились друг другу. Госпожа Сяо была недовольна его расточительностью, ведь он делал все, чтобы пустить пыль в глаза, и то, что он был очень похотливым выпивохой, дело не улучшило. Вань Сунбай был недоволен привычками госпожи Сяо, ее заносчивостью и сравнением его со своим мужем, кроме того, он был старше, и, так упорствуя в течение десятка лет, она не разрешала ему взять с собой Чэн Ши, чтобы пойти и «порезвиться», прямо говоря, обуздывала мужа, что не поднимает его дух (хотя Чэн Ши никогда не признается в этом)!

Госпожа Сяо как бы то ни было еще могла сдерживаться, генерал Вань в свою очередь при случае причинял неприятности госпоже Сяо. Даже, если бы ему дополнительно нужно было для этого вставать каждую ночь, но при благоприятной возможности причинить неприятности госпоже Сяо и сотворить этот самый удобный случай, что еще можно желать! Одной фразой: видеть твое недовольство – мое счастье!

Вань Сунбай с Чэн Ши хорошо ладили и всегда выгораживали друг друга, он давно уже немного разбирался в домашних делах семьи Чэн и редко встречал хоть какую-то болевую точку госпожи Сяо – она не давала ему возможности уколоть себя!

– Няня, моя и твоя семьи давно связаны тесной дружбой, а с твоим отцом мы – друзья на всю жизнь. Если в будущем ты будешь терпеть несправедливое обхождение, приходи ко мне! Старший дядя определенно примет за тебя ответственность!

Глаза генерала Ваня были полны сверкающими звездами. И каждая сверкающая и восходящая звезда была со злым умыслом – смысл его речи был предельно откровенным.

Отец Чэн хорошо понимал этого человека, ставшего ему старшим названным братом, и столкнуть его с госпожой Сяо было категорически плохим делом. Он спешно позвал Чэн Юна, чтобы тот утешил его под предлогом помощи в приветствии гостей. Только тогда все вздохнули с облегчением, а госпожа Вань поспешно подошла к Сан-ши с двумя замужними женщинами, и они стали перебрасываться шутками.

Все остальные гости, как правило, соблюдали следующий порядок: гости женского пола оставались поболтать, а мужского – сразу же сбегали в другой зал, если же это были пожилые люди, то они садились рядом с матушкой Чэн. Чэн Ян с Шаошан сидели на коленях в стороне, и все время выполняли функцию людей, приносящих счастье, улыбались всем пришедшим, отдавали честь, падая ничком, притворялись заробевшими от стыда, принимая комментарии от старшего поколения, но даже добрая и заботливая Чэн Ян, в конце концов, даже она уже не могла более притворяться.

Гостей пришло так много, что Шаошан не могла сопоставить лица большинства пришедших с их именами и запуталась. Лишь одна из них, носившая имя госпожи Инь, произвела на нее довольно глубокое впечатление.

Ее сопровождало множество служанок, одетых с роскошью, в особенности же принесенные ею

подарки были очень ценными, рассматривая их, матушка Чэн была в восторге. После краткого обсуждения Шаошан только поняла из услышанного, что это госпожа Вань пригласила эту гостью, и прежде семья Чэн не имела приятельских отношений с семьей Инь.

Оказывается, госпожа Инь с госпожой Вань, несмотря на то, что, кажется, у них была большая разница в возрасте, все же с детства были в дружеских отношениях как две сестры – старшая и младшая, и, выйдя после замуж, они, столкнувшись с хаосом в мире, были разделены на много лет и столько же не виделись. Имея поддержку, легко добиться успеха, госпожа Сяо была оборотистой, Сан-ши увлекательно говорила, эти две невестки с умыслом завязали с ней знакомство, а вскоре и несколько замужних дам, весьма быстро сговорившись, поладили друг с другом.

Так прошел полный большой час. Шаошан с Чэн Ян так вежливо кланялись, что уже были не в состоянии распрямить спину. В конце концов Сан-ши, увидев, что многие гости пришли с дочерьми, сразу смилостивилась, подозревая их обоих, чтобы они увели за собой девушек в боковой зал и угостили их димсамами и пахтой, оставшиеся старые, средних лет и молодые женщины смогут поговорить на несколько более взрослые темы.

Прибыв в боковой зал, Шаошан прямо, не стесняясь, передала хозяйские обязанности в руки Чэн Ян, предлагая ей самостоятельно принимать гостей и говорить вежливые банальности, и при случае показать плоды многодневного обучения госпожи Сяо. Сама же притащила топчан из японского лакированного дерева, перенесла его в угол, где и уселась. Ляньфан весьма ловко подала на стол еду и питье, а затем привела с собой двух служанок, усадив их на коленях, наполовину закрыв ее от всех. Шаошан, прищурившись в улыбке, закивала в знак согласия, дав понять про будущее поощрение.

По правде говоря, этот банкет семьи Чэн, если бы действительно имел лейтмотив, то обязательно бы был назван «Расстаюсь со вчерашним, встречаю грядущее.» Потому что сегодня, кроме таких семей как Вань и Инь, бывших исключением из правил, большинство пришедших гостей... как бы сказать, по своему роду, чиновничьему месту и иерархии не относились к высшим слоям.

Если пользоваться для описания числами, то: семья Чэн были выходцами из незнатного сословия, притом относительно поздно они стали приверженцами нынешнего императора. Изначально в столице они относились к четвертому рангу, однако Чэн Ши вместе с женой больше десяти лет воевали, и ныне они вознеслись повыше и достигли третьего. В ближайшем будущем ожидаются новые задания, и, вернувшись назад, они могут добиться нового служебного ранга, должно быть заслуженно достигнуть и уровня в два с половиной. Относительно же того, смогут ли они в будущем подняться до второго уровня или же потеряют все, это еще предстоит выяснить.

Таким образом все эти гости все еще были из прошлого семьи Чэн, «одинакового общественного происхождения и положения», вплоть до того, что был еще и кое-кто похуже.

Если бы они перед этим были бы в хороших отношениях с Чэн Ши и его женой, можно было бы сейчас говорить о разрыве старой дружбы, жаль, но в минувшие десять лет они обычно

общались с матушкой Чэн и с Гэ-ши. А потому сегодня в поведении Чэн Ши и госпожи Сяо было вполне очевидно, что им не хватает сердечности и дружеского подхода, и в то же время было неясное проявление какой-то доброты, будто проявленной начальником к подчиненному.

Например, все эти десять с небольшим разодетых молодых барышень, хотя каждая порознь и старательно притворяется улыбающейся, однако вполне очевидно все они были рассержены на Чэн Шаошан. Они смотрели на сегодняшнюю Шаошан в изящном и достойном внимания наряде, окруженную служанками, с непринужденным выражением лица, естественным поведением, и сравнивая с былыми днями, когда рядом с Гэ-ши она была либо дрожащим созданием, либо дерзкой, но в корне отличалась внешне, в глубине души не могли с этим смириться. Однако они запомнили настойчивые просьбы их семей, и им любым способом приходилось терпеть – нельзя было непочтительно разговаривать с Шаошан.

Шаошан была в очень хорошем настроении. Ей-то как раз нравилось то, как они ненавидели, но ничего не могли поделать с ней.

Однако это были очень молодые девушки, находясь под впечатлением сердечного приема гостей Чэн Ян, после перешептывания и шуток, в конечном счете кто-то не удержался. Одна из них – девочка с ромбовидной формой лица – сказала с умыслом:

–...сегодня я не узнаю Шаошан, она полностью изменилась.

Шаошан даже бровью не повела:

–Конечно, это естественно. За все это время я выросла на четыре цуня.

Другая девушка в зеленой одежде, стискивая губы:

–Не это имелось в виду! Подразумевалось, что ты разговариваешь и поступаешь совсем по-другому!

Шаошан холодно сказала:

–Прежде мое поведение не было добродетельным, и отец с матерью прочитали мне нотацию. Сейчас все изменилось к лучшему.

После этого несколько человек попытались спровоцировать ее словами, и всех Шаошан парировала не силой, а уменьем.

Она отвечала учтиво и отстраненно, никто из девушек так и не смог выискать какой-то изъян, все было похоже, как если бы они попытались проткнуть колючкой мокрую воловью кожу, скользкую и эластичную, которой даже и огонь с водой ничего не могли сделать. Девочки все сильнее раздражались, и наконец та самая первая девочка с ромбовидным лицом с мужеством громко сказала:

-Чэн Шаошан, тебе не нужно притворяться! Что ты за человек, мы пока не пойдем. Раньше ты умоляла нас дружить с тобой, не зная, насколько это невежливо, теперь напротив, ты задираешь нос! Ты в конце концов должна помнить, как недавно злословила о Мэйлинь, кроме того, подралась...

Ее голос все больше и больше затихал, не решаясь продолжать говорить, потому что Шаошан как раз холодно на нее взглянула.

Шаошан выпрямила спину и равнодушно сказала:

-Старшая двоюродная сестра, ты обязательно должна быть моим свидетелем. Я сегодня здесь нисколько не была невежлива, также не произнесла ни единого слова и ни одной неподобающей фразы, искренне хотела начать все заново, однако некоторые люди ухватились за прошлое и не склонны отпускать его, - время идет и обстоятельства меняются, сегодняшняя Чэн Шаошан уже не та Чэн Шаошан, что прежде, но все эти спятившие младшие сестрички все еще не могут разобраться в ситуации.

Чэн Ян про себя также очень разозлилась, холодным голосом произнесла:

-Почему так сестрицам нравится вспоминать о твоём прошлом? Лучше уж к примеру поговорить о моей матушке - в нашей семье моя младшая двоюродная сестра в прошлом росла в окружении моей матери!

Долг матери погашается дочерью, Гэ-ши совершила ошибку, если даже придется нести это, она будет единственной, кто обязан это нести, а не ни в чем не повинная младшая двоюродная сестра. После событий вокруг письменного стола она поняла, что ей самой больше нельзя прятаться под тетушкиным рукавом, считая себя ребенком, а следует воспрянуть духом и взять на себя ответственность.

Как только эти слова прозвучали, у девушек язык присох к небу, а та девушка, которая придиралась, побледнела. Шаошан же наоборот посмотрела другими глазами на Чэн Ян.

Все чувствовали себя неловко, и некоторое время в комнате было тихо.

Вдруг из главной залы сквозь шум и взрывы смеха донеслись восклицания женщин. Одна из молодых девушек, сидевшая ближе всего к дверной портьере, кажется, что-то услышала, с восхищением произнесла:

-...о, похоже, похоже прибыл молодой господин Шаньцзянь!

У всех девушек появилось на лице радостное выражение, и, воспользовавшись случаем рассеять эту неловкую атмосферу, все столпились около дверной портьеры, подглядывая украдкой сквозь нее.

Шаошан не могла больше терпеть, она через силу деланно улыбнулась Чэн Ян и тем нескольким девушкам, которые не присоединились к столпотворению молодых барышень, и

спокойно сказала:

-Мне немного нездоровится, я прошу разрешения уйти раньше, прошу старшую сестру меня простить. Старшая двоюродная сестра, вы много и тяжело трудились сегодня.

Закончив говорить, она поклонилась кругом согласно правилам этикета, а затем, развернувшись, ушла, Ляньфан тут же догнала ее.

Чэн Ян по натуре была доброй и мягкой, и у всей этой толпы к тому же не было к ней старой вражды. Можно ожидать, что после ее ухода каждый из присутствующих людей сделает шаг назад и будет в состоянии поддерживать дружеские отношения.

Только и нужно, чтобы она не находилась рядом, - и все будет хорошо.

<http://tl.rulate.ru/book/77281/3109764>